

В А часа в переполненном зале стоит густая, заинтересованная тишина. Ни одного слова не произносится и на сцене. Там идет своя, особая жизнь — жизнь движений, поз, жестов, мимики. Жизнь, полная смысла, страсти, борьбы и мысли.

Так происходит каждый вечер на выступлениях наших гостей из Лэнгма, труппы пантомимы Наунассеного музыкального театра.

О наунассеной пантомиме — единственной в стране, профессиональной труппе — мы слышали давно, радовались настойчивым поискам молодых лантовцев, одобряли их преданность этому не очень распространенному еще у нас виду искусства, ждали новых работ. И вот сначала в августе, а теперь снова труппа пантомимы выступает у нас на гастролях.

Коллективом руководит двадцатипятилетний Модрис Тенисон, артист, режиссер, художник, неудержимый энтузиаст и выдумщик, до самозабвения полюбивший пантомиму.

Правы, по-моему, те, кто считает, что высшие достижения пантомимы нужно искать не столько в отточенности до предела мастерства движений, сколько в глубине мысли, в остроте символов, рожденных пантомимой. Но нельзя

ГОВОРИТ ТИШИНА

за отрывать содержание от формы. Нельзя не учитывать уровень художественных средств, при помощи которых артист-мим воплощает свою идею. И все-таки самое высокое мастерство, безукоризненное владение телом могут пропасть зря, если все эти богатства будут потрачены только на «перепрыгивание канатов», «бег на месте», «сопротивление ветру» и т. п.

Мне кажется, что одно из достоинств молодого коллектива (он существует всего пять лет) — наунассеной пантомимы — состоит как раз в смысловой наполненности их спектаклей и номеров, в стремлении как можно больше высказать мыслей, чувств в пантомиме. В своих спектаклях лантовские мимы говорят на сарказма, философские темы, пытаются раскрыть суть многих явлений жизни, передают тонкие психологические нюансы человеческого переживания и настроения.

Кроме того, ощущается горячая заинтересованность всех членов коллектива в предметах разговора, в подходе к темам, проблемам — видна и напряженная

боль, и вера, и ненависть, и нежность, и забота. Наверное, именно эта искренности и заставляет зрителей с вниманием и волнением воспринимать представляемые труппы.

Пора, однако, подкрепить примерами мои впечатления. Два спектакля наунассено — «Каприччио XX века» и «Вот человек» — существенно отличаются один от другого.

Конечно, и решены эти спектакли по-разному. Один — бурный, резкий, наполненный массовыми сценами, порывистый и жесткий. Другой — медлительный, концентрированный, состоящий из отдельных новелл, в которых часто действуют лишь один человек.

В «Каприччио» переживается, например, трагическая история рождения фашизма. Одна из сцен рассказывает, как тупая толпа мещан создает себе кумира, не замедлившего стать диктатором, и вот он уже губит Художника, ставит на колени толпу, правит и руководит мнимо и в хулами... Вот «обсуждение» произведения Художника: кажется, что все «жизненно» говорит

по-разному, но оказывается, что суть их высказываний совершенно одинакова: «Все плохо». Любопытной деталью подчеркнута это роковое «единодушие»: на всех красках, с которых поднимаются один за другим «жизнители», прикреплены совершенно одинаковые маски...

На заднике сцены — экран, где постоянно в ходе действия сменяют друг друга изображения контрастов нашего века. Измученные матери Вьетнама — и узоманные, разодетые американские красотики; худые, голодные дети — и блюдо с искрищей ветчины на столе очаровательного миллионера; разрушенные войной избы — и шикарные лимузины богатей. Действие, разворачиваясь в тишине зала на этом фоне, усиливает намеченную экраном мысль, углубляет ее, открывает отношение молодых артистов к далям и событиям века.

В спектакле есть сцены очень сильные по эмоциональному воздействию, они радуют своей художественной завершенностью, удачной, продуманной постановкой. Это, к примеру, сцена ги-

бели Художника. И хотя введение звуков (крики, стоны, рвоты, шепот молитвы) в сцену не бесспорно, думается все же, что это не нарушает целостности восприятия, а скорее выглядит как дополнительная яркая, усиливающая его. Хочется верить, что подобные поиски в развитии искусства пантомимы принесут этому коллективу и более заметные успехи.

В спектакле «Вот человек» в этюдах «Цветок», «Маски», «Женщина», «Шепот» и других молодые артисты выступают за человека-борца, деятельного создателя, способного отстаивать свою веру, принципы, выступающего за все самое лучшее и справедливое на земле.

Вероятно, многое удастся коллективу отчасти потому, что артисты очень серьезно относятся к своему искусству. И выражается это не только в неустанных репетициях и тренировках — чисто профессиональных занятиях, а и в том, что ребята, например, серьезно изучают психологию. Когда готовился спектакль «Каприччио», на репетициях постоянно присутствовал психолог,

с которым артисты и режиссер советовались и подробно беседовали.

Каждый год все участники труппы занимаются дополнительным предметом искусства. Один сезон они активно увлекались живописью, много бывали на выставках, читали специальную литературу, сами писали, обсуждали. Другой год стал годом скульптуры. Это помогло артистам живее представить форму, ощутить объем, правильно, лучше почувствовать линии человеческого тела. И на этот раз не только смотрели, обсуждали, читали книги, но и лепили сами. В прошлом году в труппе читали курс философии и истории искусства. Каждый подготовил доклад по заинтересовавшей его теме.

За пять лет существования коллектива пантомимы создал пять больших спектаклей, спектакли для детей (Тенисон справедливо считает, что основы понимания искусства нужно закладывать с детских лет и через движение, которое так близко маленьким людям, можно о многом с ними говорить), много отдельных номеров.

Несколько слов о том, что, на мой взгляд, не удается нашим гостям. Мне показались затянутыми, рождающими даже мысль об одиозности многие сцены спектакля «Вот человек». Думает-

ся, он выиграл бы от большей компактности, сжатости. Это помогло бы и четче вывить мысль, которая порою расплывается и дает повод для двойного толкования ее.

Очевидно, что у актеров еще впереди работа над безукоризненным владением телом, над высокой техникой пантомимы. Не которым не хватает еще полного постижения глубины мысли, а главное — движению еще не всегда становится истинным художественным средством, полностью выражающим замысел. Наверное, отсюда — имитация разговорной мимики; по-моему, это выглядит лишь как прямая иллюстрация, «драма без слов». Это от недостатка собственных средств, средств пантомимы.

В труппе Тенисона объединились десять очень разных человек: бывший биохимик, актер, спортсмен, строитель и т. д. Но их соединила беззаветная любовь к пантомиме, которая стала теперь их профессией, их единственным и главным делом. И все они продолжают совершенствоваться в этом деле — и более талантливые и те, кому еще предстоит многое постигнуть.

Всем им хочется пожелать постоянной неуспокоенности, которая наверняка приведет труппу к новым успехам.

В. ЮЛИНА